

Ф. В. Кувшинов

Липецк, Россия

САКРАЛИЗАЦИЯ БЫТА В ПРОЗЕ КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА

Рассматривается проблема сакрализации профанного быта на примере прозы К. К. Вагинова. Для писателя, следующего акмеистической традиции сопряжения быта и Бытия и понимающего «конечность» Культуры, ценность представляют абсолютно все артефакты повседневности. Позиция Вагинова не ограничивается его очевидной привязанностью к прошлому и неприятием настоящего, а усложняется за счет особого понимания времени и соотносительности персонажа / артефакта. В профанных осколках разрушенного «табуном ветров» Петербурга угадывается его «высокое» прошлое, именно поэтому эти осколки переходят в разряд сакральных. Стремление «собрать» ушедший мир является внутренним стержнем существования его персонажей, позволяет им сохранять свою идентичность. Сакрализуется повседневность не только прошлого, но и настоящего: персонажи писателя пытаются наполнить свое будущее существование тем вещественным миром, который уже сейчас рассыпается под влиянием времени и переходит в разряд прошлого, а значит, в будущем будет иметь статус священного. В результате такого хронологического скачка меняется аксиологический характер предметов быта со знака «минус» на знак «плюс», при этом персонажи Вагинова теряют первоначальный авторский посыл: сохранить «милый дом», Петербург / Петрополь.

Ключевые слова: Вагинов, быт, сакральность, профанность, Петербург, Петрополь, время, коллекционирование, повседневность.

Лейтмотивом вагиновской тетралогии («Козлиная песнь» (1928¹), «Труды и дни Свистонова» (1929), «Бамбочада» (1931), «Гарпагониана» (1933)) является образ уходящего в небытие Петербурга, который заменяется малоприятным для созерцания Ленинградом: «...если когда-то зерном города являлся царский дворец, Акрополь, то теперь зерном города будет являться завод» [2, с. 455].

В 1921 году в стихотворении «У милых ног венецианских статуй...» Вагинов с грустью говорит о неминуемой гибели любимого Петрополя:

¹ Существует несколько редакций романа. В сокращенном варианте роман вышел в 1927 году, отдельным изданием – в 1928 году; в 1929 году Вагинов «переработал роман для второго издания» [1, с. 544–545].

Кувшинов Феликс Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарно-социальных дисциплин Липецкого института кооперации (филиал) БУКЭП (ул. Зегеля, 25а, Липецк, 398002, Россия, fkuvshinov@yandex.ru)

Табун, табун ветров копытами затопчет
Мой малый дом, мой тихий Петербург,
И Летний сад, и липовые почки
И залетевшую со Стрелки стрекозу [4, с. 44].

В 1928 году в своем первом романе «Козлиная песнь» Вагинов короткой фразой («Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград; но Ленинград нас не касается» [2, с. 13]) обозначает и географию своего художественного мира, и его временные рамки, и свое отношение к настоящему, которое он не принимает, гибель своего «малого дома».

Внимание Вагинова к быту объясняется и литературными, и металитературными (внутренними) факторами. В первом случае разговор должен вестись в контексте влияния акмеистического мировидения и опытов сопряжения быта и Бытия [4] на его художественное мировоззрение (исследователи говорят о «принципиальной близости творческого метода Вагинова акмеизму» [5, с. 84], о том, что «из всех обэриутов наибольшее влияние Гумилева испытал, разумеется, Вагинов» [6, с. 97]). Действительно, акмеистический опыт синтеза «высокого» и «низкого», «земного» и «небесного», «земли» и «Земли», «возвышенного» и «обыденного», «дохристианского» и «христианского», рассмотренный в известном исследовании О. А. Лекманова [7, с. 30–35], нашел свое отражение в «поэтике» быта Вагинова в виде сакрализация профанного быта, причем в самом его радикальном выражении.

К металитературному фактору стоит отнести собственное мировидение Вагинова, его понимание Истории как временности и гибели Культуры, а следовательно, ценности ее артефактов в самом широком понимании значения этого слова (Вагинов коллекционировал монеты, спичечные коробки и пр.). Символом Культуры для Вагинова, безусловно, является растворяющийся в пореволюционные годы Петербург, который сменяется чуждым поэту Ленинградом, по далекой ассоциации с мавзолеем В. И. Ленина связанный с темой смерти, тлена, мумии².

Мотив смерти, заявленный в предисловии уже первого вагиновского романа с помощью образа гробовщика («автор по профессии гробовщик, а не колыбельных дел мастер» [2, с. 13]), органично входит в круг коннотатов «музей»³ и «прошлое», способность погружаться в которое было замечено исследователями творчества писателя еще в отношении его раннего периода [8].

Все связанное с Петербургом для Вагинова имеет высочайшую ценность. Его персонажи лихорадочно и с некоторой степенью болезненности пытаются сохранить осколки прошлого (окурки, конфетные обертки, ногти, пивные этикетки, дамские перчатки, бутылки, пузырьки, конверты и пр. и пр.). Да и сами персонажи являются своего рода носителями широких культурологических и литературных параллелей [9, с. 55–88].

Трансформация акмеистической гармонии «высокого» и «низкого» у Вагинова принимает, конечно же, не романтический характер. Говорить о поэтизации быта у Вагинова нельзя: перед нами сатира, насмешка, – но насмешка грустная. Писатель осознает тщетность и бездумность подобного рода коллекционирования

² Незримо эта ассоциация продолжена в «Гарпагониане», герой которой – Жулонбин – собирает человеческие волосы, ногти, зубы.

³ В «Записке М. Э. Козакову» Вагинов пишет: «В книге (т. е. в «Гарпагониане». – Ф. К.), на мой взгляд, даны причины некоторой музейности персонажей – ты сам великолепно понимаешь, что люди, уходящие от современности, становятся по большей части музейными экспонатами. Некий герой моего романа чувствует постепенное свое превращение в музейный экспонат, чувствует, как он сам и сердце его увядают» [2, с. 511].

(«бессмысленное, выморочное вещеведение» [10, с. 697]; «эстетический фарс» [8, с. 148]), но за шутовской формой (один из центральных образов у Вагинова – колпак с бубенцами, образ, сближающий его с поэтикой обэриутов [11]) проглядывает основная идея писателя – мир уходит, теряется, растворяется, равно как и люди, живущие в нем.

Вещественный (пошлый) мир, ушедший в прошлое, приобретает статус священного и продолжает существовать в виде «осколков». В обыкновенных конфетных обертках угадывается история, культура, политика, искусство прошлого, которое выступает как антагонист бурному настоящему:

Торопуло, вернувшись, стал показывать Локонову конфетные бумажки.

– Обертка от Пермской карамели, – сказал Торопуло.

– «Карамель столичная» – прочел Локонов. «Должно быть, Петербург, – подумал он, – но мостов таких как будто нет в Ленинграде».

Локонов заметил множество маковок церквей.

«Москва, но и Москва теперь другая».

– Вот изображение негра, несущего огромный колчан и стрелы на фоне пальм – это для островов, должно быть. Взгляните, индеец, стреляющий из лука – это, должно быть, для Южной Америки. А зайчики, и надпись совсем не японская, должно быть, для Кореи. Да, да, несомненно, для Кореи, – решил Пуншевич. – Ну вот и для Китая знаменитая китайская императрица на белом коне возвращается в Китай из монгольского плена. А вот и китайский мальчик на сверхчеловеческой лягушке. А вот и чисто японские: старшая сестра учит брата письму, бог богатства, считающий прибыль, бог счастья и богатства и долгой жизни на аисте, ребенок сидит на лотосах и молится – в раю всегда цветут лотосы. Вот и европейский ангел, и обезьяны, поднимающие иероглифы радости. А вот и крылатый ребенок – европейский амур – бежит из Японии в Китай, держа в руках зажженную спичку, – это является как бы символом экспорта, пожалуй, не только символом экспорта, но и японской захватнической политики [2, с. 454].

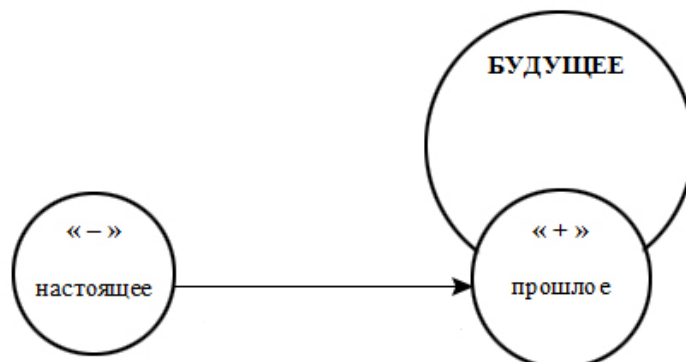
Приведенный фрагмент показателен и в отношении вопроса изменившейся топонимики: в *Ленинграде* нет тех мостов, что были в *Петербурге*, Москва стала *другая*.

Однако позиция Вагинова не ограничивается его очевидной привязанностью к прошлому и неприятием настоящего. Авторская установка глубже и сложнее. В профанных осколках разрушенного «табуном ветров» Петербурга угадывается его «высокое» прошлое, именно поэтому эти осколки переходят в разряд сакральных. Пессимизм Вагинова заключается в его абсолютном понимании того, что собрать «пазлы» в единую картину не получится. Писателю важно не это. Стремление «собрать» ушедший мир является внутренним стержнем существования его персонажей, которые «все свободное и не совсем свободное время тратили на раскопки» [2, с. 375]. Утерев тягу и былой пыл, они погибают или морально, или физически. Движение к прошлому через сакрализованный профанный быт позволяет им сохранять свою идентичность, самое себя.

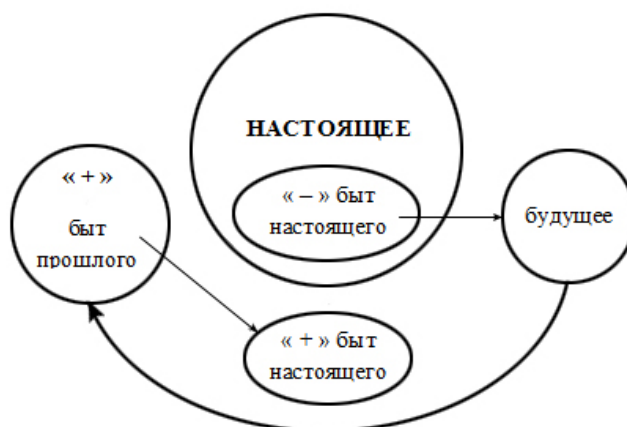
Вагиновым сакрализуется не только быт прошлого, но и быт настоящего: таким образом персонажи пытаются спасти свое будущее, наполнить его существование тем вещественным миром, который уже сейчас рассыпается под влиянием времени и переходит в разряд прошлого. Сохраняя прошлое и бережливо его классифицируя в созданном ими сакральном поле, они по инерции сакрализируют «низкий» быт настоящего, которое в *будущем* будет иметь такой же статус священного быта *прошлого*.

В результате такого хронологического скачка меняется аксиологический характер предметов быта со знака «минус» (традиционное понимание «низкого»

быта) на знак «плюс» (сакрализация быта персонажами). Схематично это может быть представлено следующим образом:

Перед нами своеобразное воплощение закона «отрицания отрицания»: настоящее собирается уже сейчас перейти в категорию прошлого, которым можно наслаждаться в будущем так же, как в настоящем наслаждаются прошлым. Можно привести другую схему для иллюстрации высказанной мысли:

В таком случае иное качество начинает приобретать весь вещный мир, поскольку неясно, какие его фрагменты изменят свою ценность в будущем, став фактом прошлого.

Показательно в этом отношении третье письмо, сочиненное Евгением Фелинфлейным и адресованное другому персонажу-собирателю из романа «Бамбочада» (1931) – Торопуло:

Третье письмо было от мнимого нумизмата.

Посылаю Вам целую пачку бумажек от экспортных конфет. Ваш план действительно интересен. Я думаю, будущим историкам пригодятся собранные Вами документы. Над собирателями, может, тоже в свое время смеялись и принимали за маньяков. Теперь вряд ли кто-либо станет оспаривать важность нумизматики для истории. Так же, я думаю, будет важна Ваша коллекция для бытовой, а может быть, и политической истории нашего времени.

Жму вашу руку.

С. Мухин

Р. S. Правда, нумизматам памятников не ставят [2, с. 367].

Приведенный текст многозначен.

В первую очередь, третье письмо продолжает сопровождающие послышки Евгения рассуждения о ценности конфетных бумажек. Во-вторых, в письме прямо говорится о значении собираемого материала в будущем. В-третьих, в письме ощутимо пессимистическое понимание тщетности происходящего («нумизматам памятников не ставят») в виде иронично-грустного парадокса – хранители истории будут из нее вычеркнуты.

Пессимизм Вагинова в полную силу звучит в четвертом, неотправленном, письме Евгения, которое завершает роман: «здесь не говорят о будущем. <...> я слабею, и скоро я исчезну. <...> я как мотылек, попорхал, попорхал и умер» [2, с. 369–370].

Герои Вагинова судорожно и жадно хватают все, что им попадается, причем не только какую-то бытовую мелочь, но и откровенный хлам, мусор. Радикализм сакрализации профанного быта у персонажей Вагинова доходит до своего предела: в сферу сакрального *реального, вещественного* быта попадает, в том числе, быт *нереальный, невещественный, аморфный*:

– Видите ли, я торгую всем тем, что никому не нужно, – начал Анфертьев оживленно. То есть я не совсем точно выразился, я торгую тем, что сейчас не имеет цены, а в будущем будет иметь огромную ценность. Я торгую сновидениями, я торгую конфетными бумажками, уличными песнями, воровским жаргоном, я всем торгую, что не имеет веса, и как будто не имеет никакой ценности в современности.

<...>

– Я могу доставать сны и девушек, и старичков, и рабочих, и крестьян, и интеллигенции о еде [2, с. 417].

С одной стороны, перед нами профанация идеи коллекционирования, когда в поле внимания «собирателей» попадают не только уникальные предметы, но весь вещественный и даже невещественный мир.

С другой стороны, в своем стремлении перенести мир обыденного настоящего в ранг священного будущего, которое станет прошлым (другими словами, именно категория времени изменяет статус быта с профанного на сакральный), персонажи Вагинова теряют первоначальный авторский посыл: сохранить «милый дом», Петербург / Петрополь. В этом принципиальная разница между писателем и его героями. Возможно, именно поэтому «Гарпагогиана» – единственный роман, в системе образов которого отсутствует автор как персонаж. В «Трудах и днях Свистонова» (1929) Вагинов демонстративно вводит «второго» автора⁴ (альтер-эго самого писателя) в круг своих же персонажей («...Свистонов целиком перешел в свое произведение» [2, с. 261]). Писатель не может простить «предательства» своих идей своими же персонажами, и становится «закрывателем Петербургского текста русской литературы» [10, с. 661].

«Табун ветров», если продолжать метафору, заданную Вагиновым в 1921 году, включал в себя и «мусорный ветер», который не только перемешал остатки / останки уходящего в небытие мира прошлого (состоящего не только из прекрасного мира Петрополя, но также из пошлого мира мещанства – трагедия Тептелкина), но и вовлек в себя героев писателя. В этом лежит объяснение сакрализации «низкого» быта персонажами Вагинова: не имея возможности отделить истинно «высокое» от «низкого», они скопом вносят в поле священного любые предметы уxo-

⁴ Вероятно, здесь необходимо вести речь о полемике с позицией М. М. Бахтина, в круг которого был вхож Вагинов: «Автор должен находиться на границе создаваемого им мира, как активный творец его, ибо вторжение его в этот мир разрушает его эстетическую устойчивость» [12, с. 248].

дящего или уже ушедшего мира, при этом сами становясь частью «мусорного ветра».

В прозе К. К. Вагинова мы видим попытку сохранения милого прошлого и неприятие настоящего, которое является одновременным отрицанием Петрополя, олицетворяющего Культуру. В творчестве писателя сочетается как нежная любовь к осколкам прошлого мира и быта, которые возводятся в ранг сакрального, так и характерное для всякого художника неприятие «бытовщины», относящейся к миру профанному. Попытка вагиновских персонажей обрести статус «культурных», сохраняя мусор современности, который, по их представлению, обретет ценность в будущем, безуспешна изначально и является ложной сакрализацией, поскольку не имеет ни эстетической, ни этической базы.

Список литературы

1. *Никольская Т. Л., Эрль В. И.* Примечания // Вагинов К. К. *Козлиная песнь*: Романы. М.: Современник, 1991. С. 544–591.
2. *Вагинов К. К.* *Козлиная песнь*: Романы. М.: Современник, 1991. 592 с.
3. *Вагинов К. К.* *Собрание стихотворений* / Сост., послесл. и примеч. Л. Чертова; предисл. В. Казака. München: Verlag Otto Sagner in Kommission. 1982. 237 с.
4. *Кихней Л. Г., Меркель Е. В.* Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 1 (33). С. 129–138.
5. *Шиндина О. В.* Несколько замечаний к проблеме «Вагинов и Гумилев» // Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы науч. конф. СПб., 1992. С. 84–91.
6. *Кобринский А. А.* Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда. М.: Изд-во Моск. культурологического лицея № 1310, 2000. Том 2. 144 с.
7. *Лекманов О. А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. 704 с.
8. *Герасимова А. Г.* Труды и дни Константина Вагинова // Вопросы литературы. 1989. № 13. С. 131–166.
9. *Бологова М. А.* Текст и смысл. Стратегии чтения. К. К. Вагинов «Козлиная песнь». В. В. Набоков «Дар». М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита». Новосибирск, 2004. 193 с.
10. *Топоров В. Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
11. *Мейлах М. Б.* Шкап и колпак: фрагмент обэриутской поэтики // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. С. 181–193.
12. *Бахтин М. М.* <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Изд-во «Русские словари. Языки славянской культуры», 2003. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. 955 с.

F. V. Kuvshinov

Lipetsk, Russian Federation

SACRALIZATION OF THE PROFANE LIFE IN PROSE BY KONSTANTIN VAGINOV

The problem of sacralization of the profane life is considered on the example of the prose by K. K. Vaginov. For the writer, who follows the Acmeist tradition of integrating life and Being and understands 'the finiteness' of culture, all the artifacts of everyday life are valuable. Vaginov's position is not limited to his obvious attachment to the past and rejection of the pre-

Литературная жизнь сюжета

sent, but becomes more complicated by the special understanding of time and the correlation of the character / artifact. In the profane fragments of the destroyed Petersburg by the «herd of winds» we can guess its «high» past, that's why these fragments become sacred. The desire to «collect» the bygone world is the inner core of the existence of his characters, allowing them to maintain their identity. Not only the everydayness of the past is sacralised but also of the present. The writer's characters are trying to fill their future existence with the real material world, which is now being destroyed under the influence of time and is shifting into the category of the past, so in the future it will have the status of sacred. As a result of such chronological jump, the axiological nature of the everyday objects is shifted from «minus» to «plus» sign, while Vaginov's characters are losing their original author's promise: keep the «sweet home», St. Petersburg / Petropolis.

Keywords: Vaginov, mode of life, sacred, profane, Petersburg, Petropolis, time collection, everyday-life.

Kuvshinov Feliks V. – Lipetsk Institute of Cooperation (regional subsidiary) BUKEP, Assistant Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Candidate of Philology (25a Zegel Str., Lipetsk, 398002, Russian Federation, fkuvshinov@yandex.ru)